Кругозор

5
1966

СЪЕЗД

КПСС

Героический рабочий класс,
славное колхозное
крестьянство,
наша талантливая
интеллигенция,
мужчины, женщины,
молодежь —
вот кто претворял в жизнь
великие планы
и предначертания партии,
плавил металл,
добывал уголь и руду,
создавал машины, сеял хлеб,
строил,
приумножал богатства
нашей Родины,
а в случае необходимости —
с оружием в руках
защищал ее
от вражеских нашествий.
Наша партия
безмерно горда
и счастлива тем,
что такой великий
героический народ,
как советский народ,
вот уже полвека доверяет ей
свою судьбу,
свое будущее.

Из Отчетного доклада ЦК
XXIII съезду КПСС

1

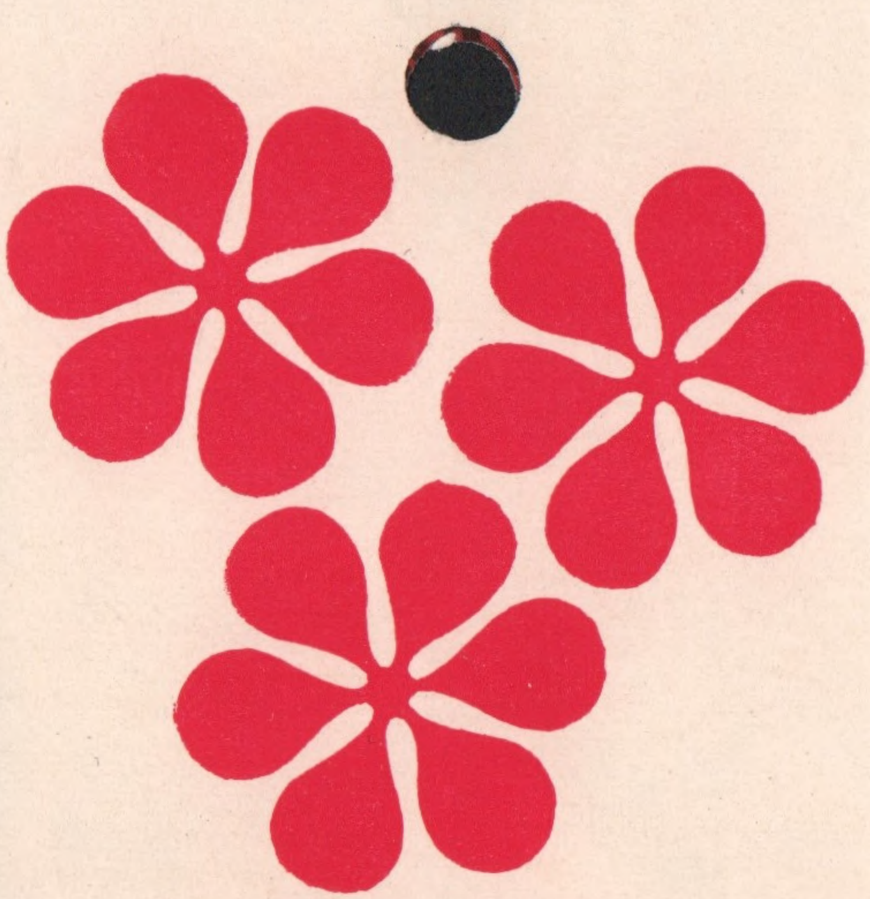
ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

Говорит съезд

Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы.

В. И. ЛЕНИН.
Из речи на III Всероссийском съезде РКСМ.

СТРАНА КОМСОМОЛИЯ



Самый верный, самый лучший мой товарищ, комсомольский секретарь...

Слушайте пятую звуковую страницу.

а ну-ка, песню нам

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Не хочется говорить о песнях тридцатых годов в прошедшем времени. Не согласен, когда их называют «песни наших отцов» (или «песни ваших отцов»). Я считаю, что настоящая оценка песни — оценка временем. Ведь сколько раз бывало: песня имеет бурный успех, звучит несколько месяцев, а потом надоедает и забывается, да так прочно, словно ее и не было. Не надо думать, что в тридцатые годы не было восторженно встреченных и стремительно забытых «шлягеров». Но о них нечего говорить — они не существуют.

А живут мелодичные, глубокие по содержанию песни, и годы только помогают людям понять их значимость и любить их по-прежнему, а может быть, и больше, чем раньше.

Одна из самых замечательных песен тридцатых годов — «Песня о встречном» Бориса Корнилова и Дмитрия Шостаковича. Удивительна ее судьба: имя и творчество талантливого поэта Корнилова были вычеркнуты на многие годы, разное было отношение к творчеству Шостаковича. А песня жила, все новые и новые поколения повторяли ее. Может быть, многим не известен такой факт: в первые годы существования Организации Объединенных Наций «Песня о встречном» исполнялась перед каждым заседанием, как международный гимн, и представители всех государств вставали, когда звучало:

Не спи, вставай, кудрявая!

Какой в ней секрет! Думаю, что эта лирическая песня — декларация человека нового мира.

...Дунаевский и Лебедев-Кумач — целая эпоха нашей поэтической и музыкальной культуры. Пронзительный оптимизм слов и музыки, а главное, выраженное в них мироощущение народа — вот что сделало их песни произведениями, которым не страшно время. Люди разных поколений, наверное, помнят и «Москву-майскую» Кумача и братьев Покрасс. Она

Трактористка Паша Ангелина.

Москва-майская. Парад пионеров.

Днепрогэс — символ первых пятилеток. На открытии станции выступает с речью М. И. Калинин.

Строят Ферганский канал.

...пропой...

была создана для документального фильма — короткометражки, а вот стала огромной песней.

...Первые месяцы 1945 года. Танкисты освобождают пустынный район в Германии, о котором известно, что здесь, под землей, авиационные заводы. Мы ехали на мотоцикле по лесной опушке. И вдруг, как видение, как галлюцинация,— земля запела:

Страна моя, Москва моя,
Ты самая любимая!

Из-под земли стали появляться люди. Они шли колоннами, толпами — русские, украинские, белорусские девушки, рабыни с подземных заводов. Прежде чем выйти навстречу освободителям, они, как сигнал, выпустили песню.

В тридцатые годы впервые прозвучали песни М. Исаковского и В. Захарова, больших успехов достигли композиторы Л. Книппер, Н. Богословский, М. Блантер, А. Александров, А. Новиков, В. Белый и другие.

Иногда приходится слышать, будто песни тех лет были ура-оптимистическими. Разве это так! Разве «Партизан Железняк», «Орленок», «Каховка», «Песня о Щорсе» не пронизаны тонкой печалью! Разве оптимизм «Марша энтузиастов», «Песни о Родине», «Полюшка» не заразителен! Разве не лирична «И кто его знает!», не проникновенна «Вдоль деревни»!

Естественно, развитие искусства настоятельно требует поисков и не позволяет останавливаться на признанных образцах. Вероятно, сейчас невозможно было бы написать «Три танкиста», «Спят курганы темные», или написаны они были бы по-другому.

Но традиция советской массовой песни — неиссякаемый родник, и я уверен, что черпающие из него достигнут многого. Я говорю о создателях песен, но думаю, что сказанное имеет отношение и к тем, кто песни поет и слушает. Ни в коем случае не следует ни противопоставлять песни разных десятилетий друг другу, ни делить наше песенное хозяйство на имущество отцов и детей.

Пусть песни-ветераны звучат рядом с новыми, сегодняшними!

ЗОЛОТЫЕ ПЕСКИ БОЛГАРИИ

музыкальные лучи планеты

Фото Н. Минева и С. Раскина

Эта земля вся добыта по крупинкам, как золото.

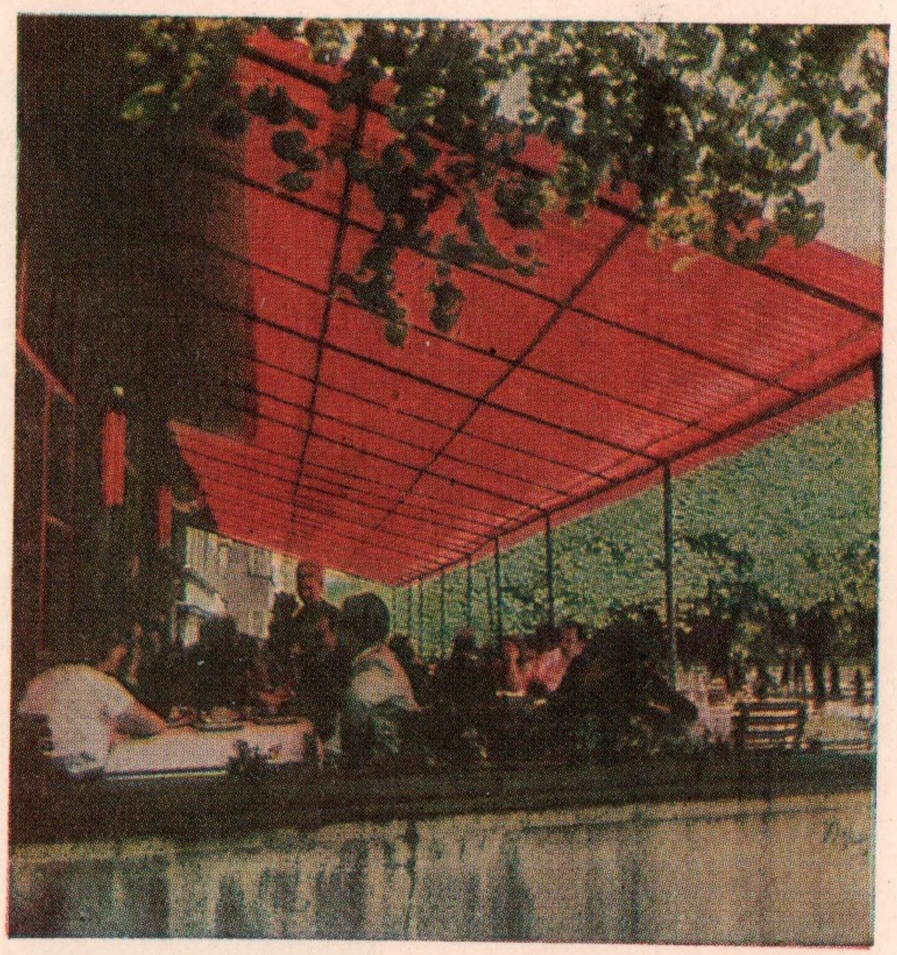
...Дороги идут среди переполненных, прибранных полей, и можно сойти туда и взвесить в руках запотевшую груду винограда, висящую на жилистой лозе. Потом — обязательная для туристов душная Казанлыкская долина, где кусты осыпаны спелыми розочками. И вдруг яблоня, распластанная пополам грузом яблок; пыльный осел у обочины. А то засветится, как аквариум, ресторан над холодным ручьем в горах.

Белая от солнца площадь села, памятник расстрелянным. Вокруг стоят женщины в черном, смотрят в сухую землю. Там лежат их мужчины, их единственные, с пулями внутри, с незакрытыми глазами, лежат более двух десятилетий, смешавшись с землей. Женщины садятся в автобус. Пробегает девчонка в шортах, придерживая на боку, как кобуру, транзистор. Вместе с ней пробегает по площади музыка — парень поет доверчиво: «Не оставляй меня».

Женщины молча слушают. Автобус выезжает на дорогу, построенную детьми Болгарии во время каникул...

●

Песни — голос Болгарии. Одна из них — «Калиакра». Старая Калиакрия, каменная баллада. Здесь только скалы и море... Прислушайся, они поют для нас... «Березы и девушки». Ты ходишь среди берез,— говорится в этой песне,— они смотрят на тебя, руками своими касаются твоих плеч, и я завидую им:. (Эти песни — на звуковой странице.)



СОЛИСТ ОПЕРЫ

Еще одно популярное имя на афишах Украины — Юрий Гуляев, солист Киевского театра оперы и балета имени Шевченко.

●

Двенадцать лет на сцене. Тридцать оперных партий.

Сотни километров на магнитофонных лентах и десятки тысяч километров по земному шару.
Будапешт и Вена,
Гавана и Прага,
Париж, Брюссель, Монреаль...

●

Самая большая аудитория, перед которой выступал певец,—Вена, Всемирный фестиваль молодежи. Самая малочисленная—круг близких и друзей, где певец сам аккомпанирует себе.

●

Юрий Гуляев: «Главное для меня — оперная сцена: я певец и актер. Но не меньше люблю песню, хорошую песню! Она всегда живет на Руси...»

Фото А. Лидова

Столицы музыки.

Зальцбург.

Галина ШЕРГОВА,
специальный корреспондент «Кругозора»

Гравюры Ю. Космынина

ГОРОД СОЛНЕЧНОЙ СКОРБИ

Снова грянули колокола собора на Домпляц. Нет, звон шел не с барочных высот университетской церкви, глядевшейся в окошко прокопченной средневековой кухни. Но казалось, этот звон рядом, и эхо его сейчас начнет аукаться в медных утробах ковшей и чанов. Я уверена, это медное «тутти» окликало по утрам Вольфганга, и он слышал, как переговаривались колокольни и домашняя утварь. Он слышал всегда и все. И не мог не прийти на память тот, другой титан. Я снова увидела тесное окошко бетховенского домика в Вене, из которого глухой музыкант следил за стрелками часов на ближней колокольне, исступленно ожидая: вот сейчас он услышит бой... Стрелки подползали беззвучно. Все звуки были заперты навсегда в нем самом, в Бетховене.

А Моцарт видел стрелки университетской башни и слышал, как они высекали бой.

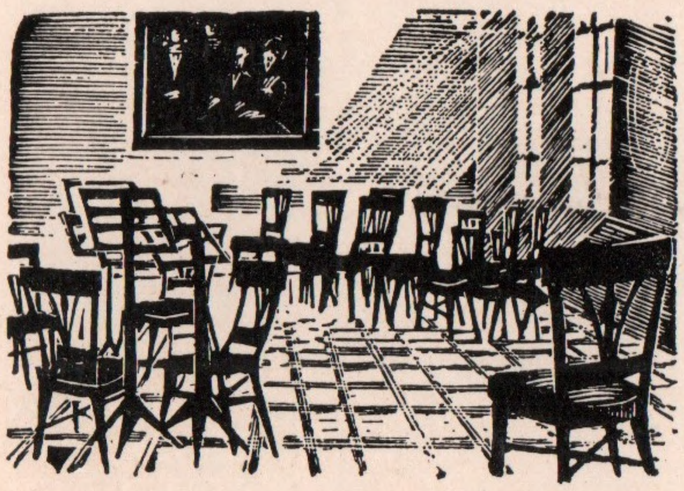
И весь Зальцбург два столетия звенел и звенит для каждого созвучиями, в которые Моцарт сложил голоса жизни. И колокола собора на Домпляц грянули сейчас литаврами симфонии «Юпитер» — мажорным торжеством финала, за которым — все начала.

Теперь Зальцбург весь пронизан его именем, и слава маленького австрийского городка в предгорьях Альп написана на домах и уличных табличках: Моцартеум, Дом семьи Моцарта, Дом, где родился Моцарт, Памятник Моцарту, Фестиваль-холл, где проводятся ежегодные моцартовские фестивали.

Летом, когда открыты окна, из них на тротуар сыплется бисерный дождь моцартовских пассажей, а Домская площадь превращается в концертный зал. Зальцбургское небо — неверный свод для такого зала, оно то и дело опускает скучные ливни на площадь, и тогда сотни зонтиков прикрывают от дождя музыкантов, слушателей и музыку. Моцартовскую музыку, в которой солнце всегда расшвыривало облака.

Нет музыки, которая вмещала бы для меня больше жизнеутверждения, чем его. Я знаю, что всегда могу призвать на помощь земной юмор Лепорелло и Папагено. Я могу поверить в то, что жизнь не конечна, как не конечен круговорот ее света в кольце моцартовского рондо. Но, пожалуй, самой солнечной оставалась для меня всегда соль-минорная симфония. И мне хотелось увидеть ее. Сейчас я видела эту музыку.

Солнце подпалило город и горы. Там, вдалеке, пологие склоны Альп были утыканы, как именинный пирог, свечками деревьев с язычками золотого пламени на верхушках. Бронзовые вязы вдоль набережной сыпали на тротуары звонкий металл листвы со своих ширококронных наковален. Старинный город был коронован венцом средневековой архиепископской крепости, обведенным золотым ободком леса. Пики колоколен в багряных подтеках плющей гремели воскресными колоколами, и казалось, воды Зальцах-реки подгоняемы этим звоном. Солнце не вмещалось в тесных улицах и оттого пировало над городом и миром. Как в симфонии g-moll. Накануне я побывала в здании Моцартеума. Это общество, основанное в апреле 1841 года и преобразованное в 1880 году в Международный моцартовский фонд, объединяет поклонников великого жителя Зальцбурга. При Моцартеуме открыта консерватория, здесь собраны архивы моцартовских рукописей и его переписки. Моцартеум — центр международных исследований творчества композитора. В его концертных залах круглый год исполняется музыка Моцарта, и лучшие музыканты мира считают за честь играть здесь. Кроме того, общество приобрело



во владение все мемориальные дома, связанные с памятью композитора, и опекает эти музеи.

Каждый хоть однажды переживал это чувство личной причастности к чужой жизни, держа в руках рукопись великого человека. Можно «тронуть почерк», как тронуть руку. Хотя, в общем, не всегда в рукописи запечатлен ее автор. Моцартовские сочинения и письма — наиболее точный его портрет. Беззаботно прыгающие по нотным линейкам аккорды черновиков экзаменационной работы в Болонской филармонической академии похожи на повзрослевшие клавиры поздних сочинений. В них та же неудержимость «легкого» гения, беспрепятственность движения. Это ощущение легкости и вседоступности не снимается даже строчками письма: «Милая мама, я не могу тебе много писать, потому что у меня очень болят пальцы от писания речитативов». Даже зная его сложную жизнь, думаешь о том, что этому человеку все должно было быть просто. Просто, как записать на слух знаменитое Miserere Аллегри в сикстинской капелле. Как разом порвать с тиранией архиепископа, сделавшего гения слугой. Чтобы самому выковать солнце для людей, нужно быть, видимо, вечно солнечным. Я снова думала об этом в моцартовском домике, застигнутая колоколами собора на Домпляц. Сюда, к моцартовским истокам, мне захотелось прийти в последнюю очередь. Он смотрел на меня с портрета — беспечный мальчик, замурованный в золото придворного мундира. Такой, каким увидел его четырнадцатилетний Гете. И все предметы вокруг — концертный рояль, клавикорды и крохотная скрипка — казалось, были вместилищами этой же легкой радости. Особенно скрипочка. Это на ней семилетний Вольфганг просил разрешения дублировать второго скрипача в трио. «Только так, чтобы тебя почти не было слышно», — сказал отец. А через пять минут, писал друг семьи музыковед Шахтнер, я, отложив мою скрипку, слушал мальчика и смотрел на отца, чье лицо было влажным от слез восхищения.

Наверное, какая-то схожесть в повадке гениальности продиктовала Пушкину единственно точные слова: «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь...»

Я прошла в последнюю комнату. Приземистая, почти пустая, она не задерживала взгляда. И вдруг на стене я увидела лицо. Выступавшее из темноты недописанного портрета, это было тоже лицо Моцарта. Последний прижизненный портрет, написанный за два года до смерти родственником Вольфганга — Иозефом Ланге.

Безысходно печальный, всевидящий и всепонимающий Моцарт склонял голову в эту обступившую его темноту, в заклинания Реквиема. Наверное, так он услышал трубу, возвещающую о том, что покачнулись жизнь и смерть, что открылась книга судеб. Это лицо не скрывало всех страданий. Но потом... потом люди услышали даже в Реквиеме светлый лиризм. И поняли, как я сейчас у этого портрета, что суть гениальности не в том, чтобы щедро и легко раздавать заключенную в тебе радость. Если радость и солнце отданы миру ценой искупления своими страданиями, тогда ты — бог, хоть сам того не знаешь.

Зальцбург — Москва.

край земли

Юрий РЫТХЭУ

Праздник оленеводов на Нельмином Носу.

Если долго стоять лицом к солнцу, ощущаешь далекое тепло, доходящее через оставшийся от зимы холод. Пройдет еще много времени, прежде чем тронутся реки и растает лед на многочисленных озерах, появятся тундровые цветы и полярная береза расправит ветви, придавленные снегом. Но люди Севера уже считают, что пришла пора весны, пора длинного дня.

С началом светлых дней пастухи гонят стада в теплые долины, на склоны гор. Весна — рождение оленят, умножение стада — кормильца тундровых людей. Олени идут на пастбища, которые сберегались всю долгую зиму для лучшей и страдной поры отела.

С появлением первых проталин северное небо заполняется гомоном: из дальних краев летят стаи птиц, чтобы вывести новое потомство на безлюдных скалах.

С каждым годом птицам все труднее ориентироваться в тундре. Там, где стояли ветхие чумы и яранги, появились новые, красиво спланированные поселки. Рядом с собачьими и оленьими нартами бороздят тундру вездеходы, машины, трактора. А выше птичьих стай летят самолеты и вертолеты. Летит к себе в родные края первый ненецкий пилот-вертолетчик Семен Явтысай. Ему знакомы каждый изгиб тундровой реки, новые дома на Нельмином Носу. Они появились на его глазах, и ему, как никому другому, все хорошо видно с высоты птичьего полета.

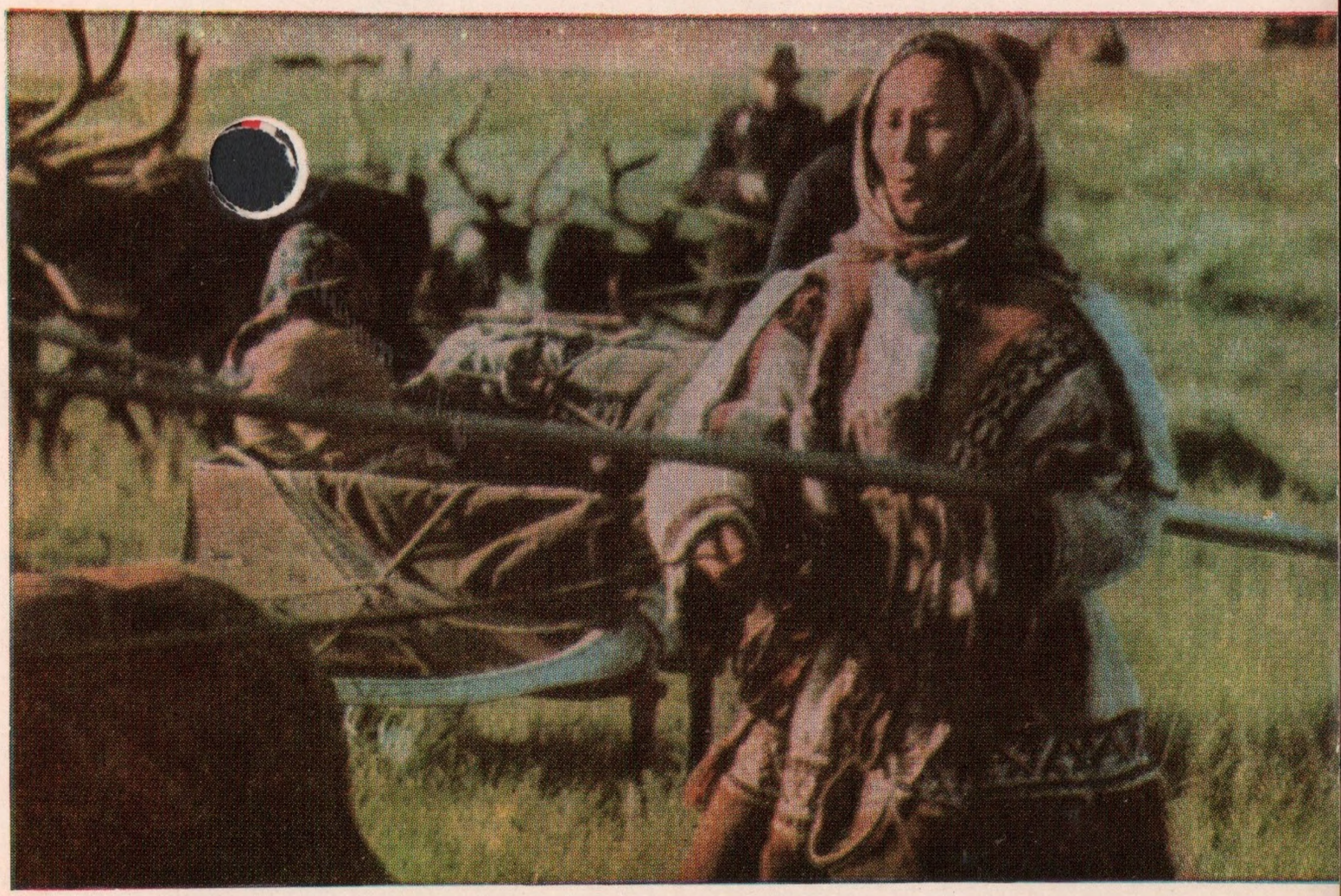
И, наверно, зоркие глаза Семена различают дом, где живет его мать Ольга Явтысай. Он чуть улыбается, глянув в угол пилотской кабины. Там поблескивает

Теплый ветер.

С. Явтысай: «Вам письмо с Большой Земли...»

Фотоочерк Вс. Тарасевича

На летнем пастбище колхоза имени Выучейского.



Какой он огромный — мир...

никелем новенький тульский самовар — подарок в родительский дом. Через час-другой самовар будет уже стоять на столе, кипящий, увенчанный круглым чайником с крепчайшей заваркой.

Весна на Севере — самое продолжительное время года. Она незаметно переходит в короткое прохладное лето, там — несколько недель осени, и снова зима, без которой Север — не Север. Улетают птицы на юг, в теплые края. А люди остаются летать над белой тундрой, вплетая ровный гул моторов в привычный гул пурги.

Ю. ВИЗБОР,
В. ЛЮМКИС

Фото
А. Лидова

3-4

ПЕРЕКРЕСТОК

Бой задумывался давно, но сегодня пришла пора! Пришла, наконец, пора встать друг против друга и сразиться. Защитники крепости бьются на подступах к стенам; их мало, но они стоят. И знамя развевается на белой башне и не разрешает отступать!

— Чурики! Чурики! — Витька Огурец, глава обороняющихся, вылез из окопа.— Федотов ледышками кидается!

У одной из башен снежной крепости «войска» сошлись в кучу — выяснять про Федотова.

Иван Филиппович Афанасьев вышел из подъезда, мельком взглянул на войну. У ворот стояла серая «Волга». Мокрый снег на багажнике, на крыше. Два женских платка за запотелым стеклом. Вот и снова собрались они втроем, три человека, чью судьбу связала война. Иван Филиппович сел в машину.

— Куда поедем?

— На перекресток.

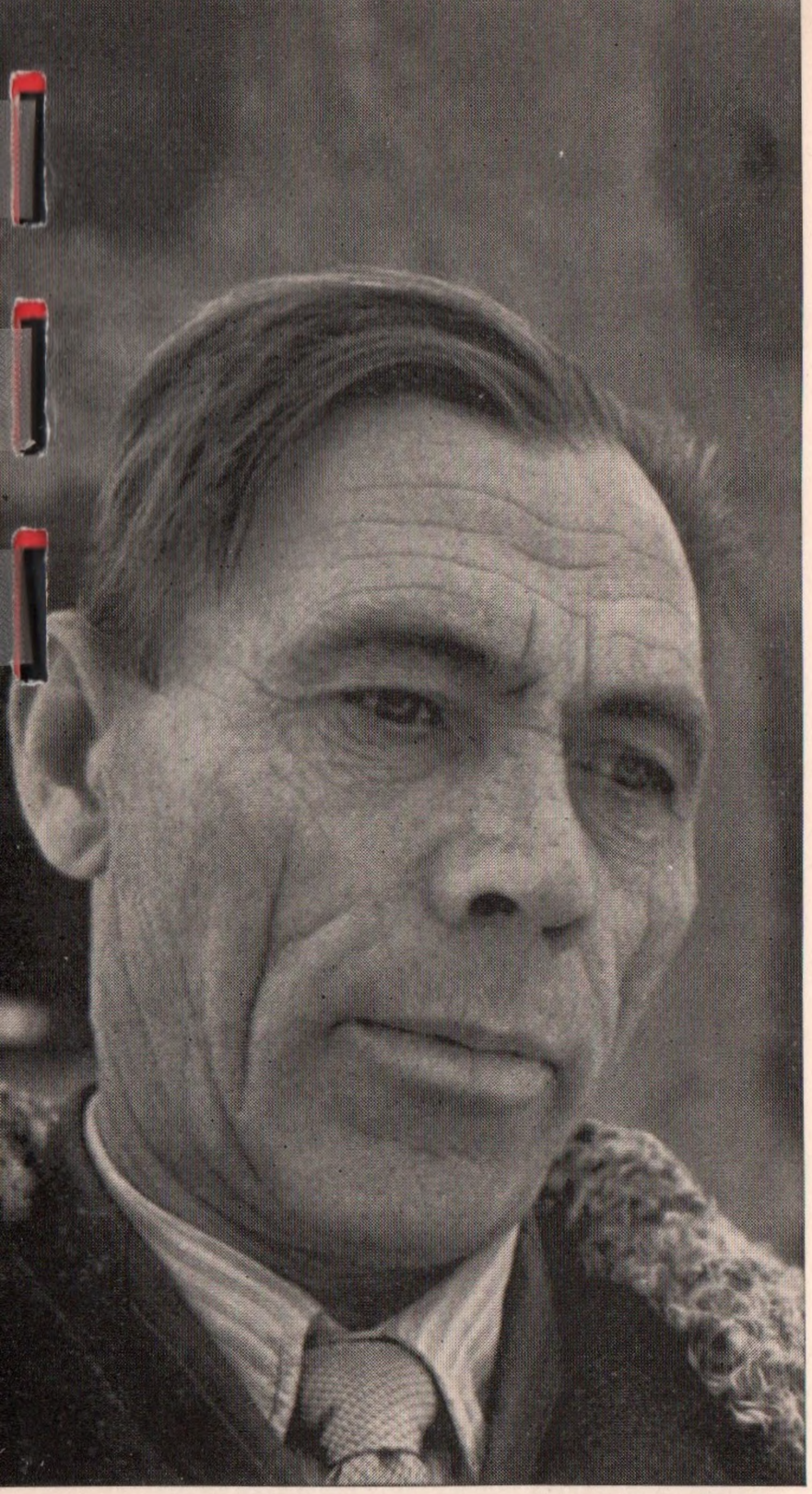
Мокрый снег тихонько сползал по окну, размывая пейзаж двора, фигурки детей. Они снова разошлись на исходные позиции, готовясь к бою. Наступающие под-

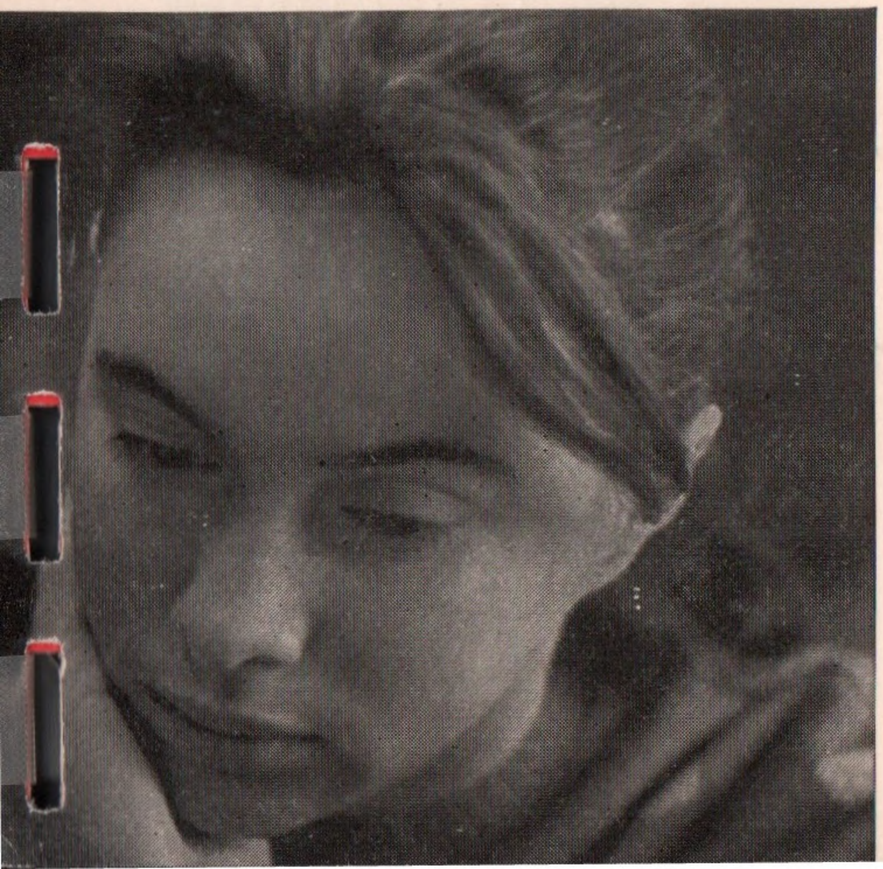
СУДЬБЫ

нялись и, перебегая от дерева к дереву, пошли на приступ крепости...

Две звуковые страницы этого номера расскажут вам о настоящей войне и настоящей крепости. Об Иване Филипповиче Афанасьеве, бывшем начальнике гарнизона знаменитого Дома солдатской славы, Евдокии Григорьевне Селезневой, работнице одного из волгоградских заводов, ее дочери Зине. О чем они говорят, встретившись вместе, вы услышите на третьей и четвертой звуковых страницах.

Волгоград.





Григорий ГЛАЗОВ

Упала, как иголка в сено,
минута из моей руки.
Не дрогнули смятенно стены,
не взвыли траурно гудки.
Никто не оглянулся даже.
Впрок не поднял ее тогда,
как незаметную пропажу
в дому, где шум и суета.
А я курил.
Колечки дыма
старался выполнить точней.
Перешагнул ее.
И — мимо.
Я тоже был не нужен ей.
Но, может, на пределе где-то
мне не достанет в час беды
в последний раз минуты этой,
чтоб дотянуться до воды,
чтоб встать с колен
без посторонних,
и, веря жесткому щелчку,
успеть послать патрон
в патронник,
и прорезь поднести к зрачку,
чтобы к отцу в его кончину
успеть, потупясь от вины...
О, как вы малы, величины,
и как жестоко вы точны!

Ст. КУНЯЕВ

Как жарко трепещут дрова,
как воет метель за стеною,
и кругом идет голова,
и этому — песня виною.
Ну что ж, начинай, заводи,
а я подпою, как сумею,
чтоб захолонуло в груди,
распахнутой песней твоею.
Пустые заботы забудь,
оставь, ради бога, посуду
и выдохни в полную грудь
слова, равноценные чуду...
А я так стараюсь, тянусь,
сбиваюсь и снова фальшивлю,
но чтоб ни случилось — клянусь
поэзией, честью и жизнью,
что я не забуду вовек,
как вьюга в трубе завывала,
как рушился на землю снег,
как ты не спеша запевала...
Земля забывала о нас,
прислушавшись к снежному вою,
и русский старинный романс
кружил над твоей головою.
А утром проснешься — бело,
гуляет мороз по квартире...
О, сколько вокруг намело!
Как чисто, как холодно в мире...

Андрей МАЛЫШКО

там, за рекою

Там, за рекою,
где чайки взмывают ракетами
В гордом стремлении
к риску и непокою,
Ночи полны еще песнями
смолкшими, спетыми.
Там, за рекою —
Молодость.
Там, за рекою...
Там, за траншеями
и космодромами,
В поле моем,
которое веком изрыто,
Зори летят,
полыхают шлеями
багровыми —
И золотят листву
невесомые их копыта.
А возле поля,
сумеречь скинув хмурую,
Шариками росы осыпанный,
не подвластный ни стуже,
ни зною,
Раззвенелся мой сад
соловьиной колоратурою.
Там, за рекою —
Молодость.
Там, за рекою...
Реками плещут хлеба
за синей излучиной.
Сны, расставанья, любовь
разливаются, словно озера.
Сердце мое, не бейся,
Не колотись так измученно!
Мы возвратимся, надейся,—
Дорога отыщется скоро!
Да, мы с тобою
по вешней
походим земле еще!
Видишь — она зовет,
приветливо машет рукою.
Спеет горячее солнце
Над этою верой нетлеющей.
Там, за рекою —
Молодость.
Там, за рекою...

Перевел с украинского
В. Корчагин.

Э. МЕЖЕЛАЙТИС

чайки

Здесь я забыл
о незаживших ранах,
что по ночам измучили меня,
взошел на дюны и с вершин
янтарных
глядел, глядел — почти
до забытья.

Я поклонился этому приюту,
куда и муза не найдет пути.
..Здесь только чайки.
Каждую минуту
вдруг залетят в стихи —
того гляди.

Здесь кружат чайки,
и приходят в ярость,
и падают, срываясь
с высоты...
Здесь только волны, синева
и ясность,
и я один средь этой красоты.

Здесь предо мной танцуют
вечный танец
морские волны, ластясь
к берегам.
Здесь только чайки трепетно
взлетают
на вечных крыльях к вечным
облакам.

Здесь как-то утром на берег
я вышел
и позабыл, когда и где стою,
и, временный поэт, я здесь
услышал,
как распевает вечность песнь
свою.

Перевод с литовского
С. Юрьева.

В. ПУХОВ

скульптура

Холодность мраморного
тела
ждет пальцев
трепетных и гибких,
чтоб каждой линией
звенела
скульптура,
вставшая из глыбы.
О, каменные изваяния,
тяжелые не вздрогнут
веки.
И взгляд ваш долгий,
как сказание,
и затаенный вздох
навеки.

Т. РУЖЕВИЧ

снятие тяжести

Он пришел
и сказал вам:
вы не отвечаете больше
ни за свет, ни за конец
света;
снимаю с плеч ваших
тяжесть;
будьте, как птицы и дети,
играйте...
и играют,
забывают,
что поэзия нашего века —
это борьба за дыханье.

Перевод с польского
Вл. Бурича.

За воском звучащим

В. ВОЗЧИКОВ

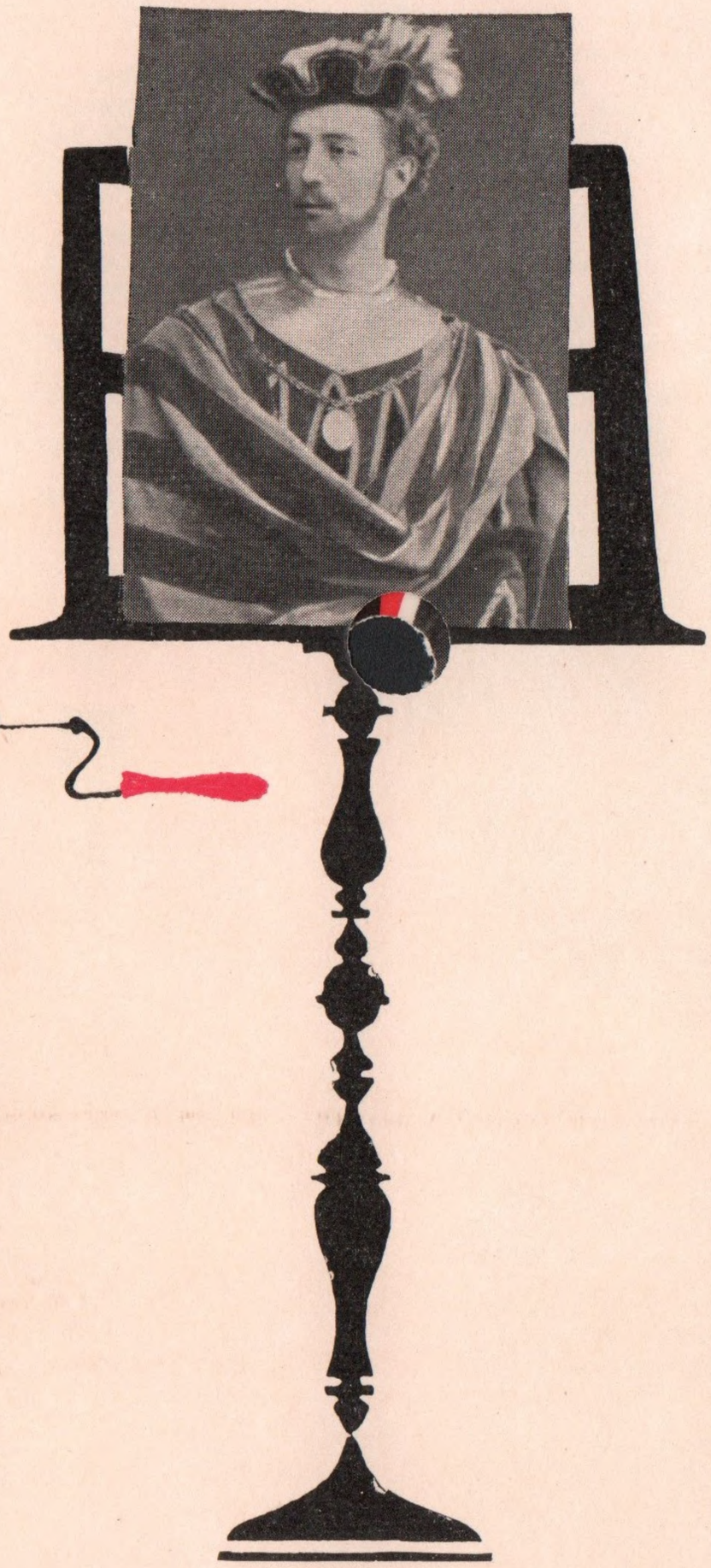
Магнитофонная лента — автограф наших лет. Памятные мгновения тридцатых годов сохранены на киноленте. Вел звуковую летопись и граммофон. Ну, а что было у рубежа немой памяти?
Вначале был фонограф.

ВОСЕМЬДЕСЯТ МОЛЧАЩИХ.

...На стеллажах в подвале Политехнического музея стареют бывшие технические шедевры. Рядом с первыми мотоциклами фирмы «Hamlet» («Быть или не быть...») десятки лет пылятся два окрашенных в коричневый цвет сундука. Проложенные толстыми слоями ваты, покоятся в их глубине восемьдесят валиков желтого воска. По поверхности вьется бороздка, протянутая из далеких лет.
Ворох пожелтевших этикеток. «Цимбалъ. Изрядно». «Свист. М-р Шоу». «Хохловъ». «Пиано. Мелькуновъ». «Сценка. Серпалетти (поезд)». Надо слушать! Но на чем?

На снимках:

П. А. Хохлов — Валентин в «Фаусте».
М. Н. Ермолова — Жанна д'Арк.



МЫ СЛЫШИМ ВАС, МИСТЕР ШОУ!

В музейной витрине эдисоновский фонограф выпуска 1886 года. Аппарат тяжелый, но сделанный щегольски. Керосин, веретенное масло — и будто не было трех четвертей века: с легким постукиванием, но бойко вращается вал, шагает по резьбе рычаг мембраны.

На музейном фонографе не было рупора — склеили на скорую руку из листа бумаги. Еле-еле различима мелодия. Да это свистит безвестный Шоу, упомянутый на этикетке! Мы так рады, что слышим Вас, уважаемый мистер Шоу...

Еще один валик, желтовато-матовый, закреплен на валу. Прислушиваемся. Тихий женский голос немного устало роняет слова:

Ах, зачем за меч воинственный
Я мой посох отдала,
И тобою, дух таинственный,
Очарована была?

После хрипящей паузы мембрана торжественно объявляет: «Монолог Иоанны» читала Мария Николаевна Ермолова».

Не знаешь, верить ли. Запись лучшего монолога из лучшей роли великой актрисы полвека лежала здесь, в подвале...

ИНТЕРВЬЮ С ПРАДЕДУШКОЙ.

Чтобы записи перекочевали на ленту, нужен был уникальный электрический звукосниматель, по весу не отличающийся от старинной мембраны. Иначе дряхлая бороздка будет безвозвратно испорчена. Замечательный умелец Николай Николаевич Николаев смог изготовить такой адаптер и выточил из сапфира иглу, которую не отличишь от эдисоновской.

И вот уже магнитофон, слегка робея, берет первое интервью у своего знаменитого прадедушки...

ИЗДАТЕЛЬ КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР.

слушайте в номере:

1. Голоса нашей биографии. Говорит съезд.
2. Плакат времени. Любимые мелодии 30-х годов.
3—4. Встреча через четверть века. Наш фонофильм.
5. Страна Комсомолия. Песня А. Пахмутовой на слова Н. Добронравова и С. Гребенникова «Товарищу комсоргу»; песня А. Колкера на слова И. Кашежевой «Твои одногодки». Исполняют М. Кристалинская, И. Кобзон и М. Магомаев.
6. Болгарский композитор А. Заберский: «Калиакра», «Березы и девушка». Поют Мими Николова и Георгий Кордов.
7. На сцене — народный артист Украины Юрий Гуляев. «Не велят Маше» (русская песня); «Слушай, Париж» (А. Островский и Л. Ошанин).
8. Лаборатория музыки. Немецкий дирижер Бруно Вальтер за работой над Симфонией до мажор № 36 Моцарта.
9. Лирические премьеры. Дебютирует А. Ведищева: «Загадай желание» (И. Гранов, Д. Иванов). «Письмо без адреса» (О. Фельцман, И. Шаферан).
10. Памятные мгновения, сохраненные на века: Мария Ермолова, Павел Хохлов.
11. Жан Татлян — композитор и исполнитель. «Звездная ночь», «Ласточки» (на слова А. Горохова и А. Ольгина).
12. Музыкальная «Улыбка».

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

На первой странице обложки: Кремлевские маки. Фото Н. Рахманова.

Художник В. Щапов.
Техн. редактор Л. Петрова.
Режиссер Н. Субботин.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции: Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны редакции:
В 3-73-94; В 3-74-59.

Б 05055. Подп. к печ. 16/IV 1966 г.
Формат бум. 84×108 1/16. Бум. л. 0,5 Печ. л. 1.
Тираж 250 000 экз. Зак. 1060. Цена 1 руб.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

УЛЫБКА — мимика лица, губ или глаз, показывающая расположение к смеху или выражающая привет, удовольствие...

Толковый словарь русского языка.

Улыбку можно не только увидеть, но и услышать, когда поет вокальный квартет: Элла Ольховская, Тамара Снегирева, Галина Иванова и Галина Сафонова. Их неделимый союз и называется «Улыбка». Это союз хороших музыкантов. Когда поет «Улыбка», вы непременно испытаете удовольствие, будь то старинная русская «Лучина» или финская песня «Пикулина».

Лев ХАЛИФ

Черепаха

— Из чего твой панцирь, Черепаха?
Я спросил и получил ответ:
— Он из пережитого мной страха,
И брони надежней в мире Нет!

Рисунки Э. Яворского, Е. Шабельника и В. Тильмана.

Альбинас ЖУКАУСКАС

ТРОПИНКА

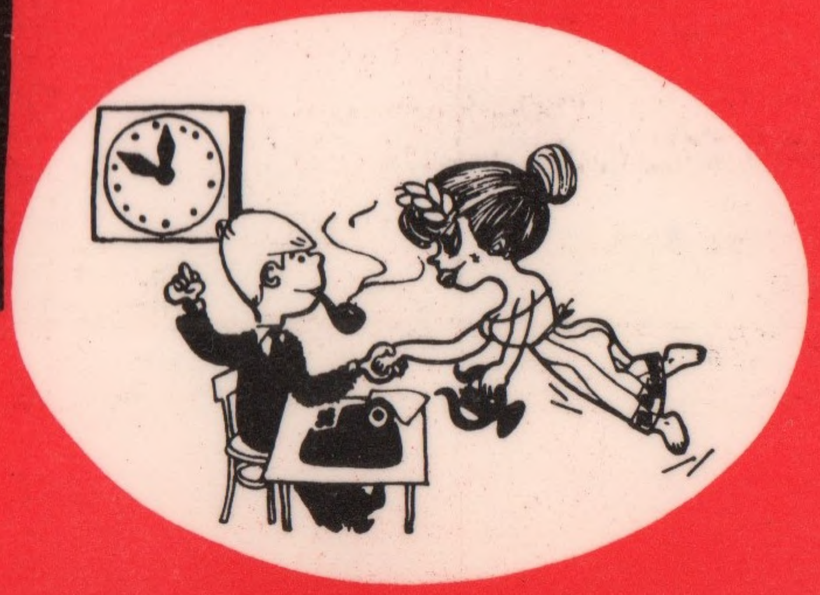
Человек — не ручей, не любит извилин.
Тропинка пересекала площадь из угла в угол.
Расселись спецы по красоте, совещаются.
— Ничего не поделаешь, — говорят, — надо по-модному, по-художественному.
Привлекли на помощь эвклидову и неэвклидову геометрию, усадили косинусы и арккосинусы, тангенсы и арктангенсы, привлекли сюда же этику и эстетику, сюрреалистику и абстрактику.
А у практиков — пешеходов — не спросили.
Работали долго — месяц.
Обсуждали коротко — год. Приняли за основу.
Тогда явились прорабы. Зауглили углы, срубили срубы, скривили кривые, завили извилины, набугрили бугры, овраги наовражили.
Красота! Алеют, зеленеют, голубеют, желтеют геометрические, тригонометрические, сферические, сюрреалистические и абстрактные фигуры.
А люди пошли прямо — по тропинке.
Расселись эксперты, слушали, постановили: забор нагородили.
Люди перелезли, прошли прямо — по тропинке.

Перекопали вдоль рвом.
Люди перескочили — прямо пошли.
Подходит милиционер, останавливает, допрашивает: кто протоптал тропинку?
— Не ведаем. Только не мы. Наверно, люди.
— Какие такие люди?
— Не знаем, не видали. Род людской.
И прут прямиком по-прежнему.
— Ай, какие некультурные! — разводят руками спецы по красоте. — В Швеции бы этого не было.
— И в Норвегии тоже.
А может, изобретатели искусственной красы некультурные?
Человек — не ручей, не любит извилин.

Перевод с литовского И. Капланаса.

Для Нота

— Вы не могли бы зайти после работы?



РАБОТЫ ЛИТОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Макунайте.
Фрагмент из цикла
«Сказки Жильвинеса».

Сургайлис.
«Сельская капелла».

Личкуте-Юсионене.
«Молодые птичницы».

Моркунас.
Фрагменты витражей
«Утро» и «Весна».

Цена 1 руб.